

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Хандожко Р.И.

**Взаимодействие неофициальной философии и
научно-технического сообщества
в позднем СССР: случай Обнинска**

Москва 2017

Аннотация. В работе рассматривается формирование философского интереса советских физиков в 1950-80-е гг. и социальные формы реализации этого интереса: дружеские группы с неформальным лидерством, официальные сети методологических семинаров, движение системных методологов. На примере Московского методологического кружка автор демонстрирует, как политическое давление на интеллектуальное сообщество в период «застоя» привело сначала к появлению эзотерической и полузакрытой формы неофициального методологического семинара, а затем к его «внедрению» в периферийные институциональные ниши, такие как учреждения партийного просвещения одного из советских атомных центров. Лидеру семинара философу Г.П. Щедровицкому удалось совместить системно-технический подход с актуальной для советской современности тематикой трансформации мышления и создания коллективного субъекта. Благодаря этому его система «практической философии» стала популярна в среде советских инженеров-физиков, работавших в атомном проекте.

Abstract. The paper deals with the formation of philosophical interest of Soviet physicists in the 1950-80's and the social forms of realization of this interest, such as friendship groups with informal leadership, the official network of methodological seminars and the movement of systemic methodology. On the example of the Moscow Methodological Circle author demonstrates how the political pressure on the intellectual community in the period of "stagnation" first led to the emergence of esoteric and half-closed informal methodological seminar, and then to its "penetration" into peripheral institutional niches, such as the party education network of the one of the Soviet atomic centers. Leader of the seminar philosopher G.P. Schedrovitsky managed to apply systemic technical approach to the relevant for the Soviet modernity theme of the instrumentalization of thinking and the creation of a collective subject. As a result, this system of "practical philosophy" became popular among Soviet engineer-physicists working in the atomic project.

Хандожко Р.И. научный сотрудник лаборатории историко-культурных исследований ИОН Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2016 год.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
Материалисты, релятивисты и атомная бомба.....	6
Физики в поисках новой философии.....	9
Методология в сетях партийного просвещения.....	14
Междисциплинарный мигрант.....	18
Методологический семинар как эзотерическое сообщество.....	22
Вирусный рекрутинг в научно-технической среде.....	25
Заключение.....	29
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	31

Введение

Исследование социокультурной среды, в которой развивались точные и естественные науки в позднем СССР, сегодня является одним из актуальных направлений изучения советской модерности. Тоталитарную парадигму, в которой наука рассматривалась как полностью подконтрольный государству институт, лишенный самостоятельности и включенный в процесс воспроизводства иерархических властных отношений, сменили модели ревизионистского толка. Их сторонники смещают исследовательский фокус с дисциплинарных и институциональных измерений советской науки на корпоративные и локальные, обращая внимание на функционирование солидаризирующих практик и разных способов формирования коллективной и групповой идентичности представителей интеллектуального слоя в СССР 1950-х – 1980-х гг. Так, рассматривая влияние науки и научно-технической интеллигенции на советский культурный ландшафт, литературовед М.Н. Липовецкий описывает формирование ИТР-дискурса, который определял и во многом продолжает определять сознание образованного слоя в России. В его статьях идет речь о среде молодых ученых и инженеров как «советском среднем классе», носителе особого типа мышления и основанной на нем системы культурных смыслов [1].

Значимой характеристикой государственной организации производства знания в период Холодной войны стало создание изолированных локусов концентрации интеллектуальных ресурсов, решавших военно-стратегические задачи. Одним из таких мест, названных позднее «наукоградями», стал г. Обнинск Калужской области, специализировавшийся на инновационных технологиях в сфере реакторной физики. Политическое пространство города оказалось структурировано пересечением нескольких влияний: областного и местного партийного руководства; нескольких министерств, которым принадлежали институты города; неформальных сообществ интеллигенции. Как следствие, важную роль в политической жизни Обнинска играли разнообразные конфликты интересов, не находившие быстрого разрешения. Отсутствие партийной монополии на власть привело к относительной слабости идеологического контроля и расцвету общественной жизни города в 1960-е гг.[2].

Как пишет И. Кукулин, *«естественные и технические науки в СССР стали возможностью свободной и одновременно общественно легитимной самореализации человека»* [3]. Для тружеников атомного проекта, как в Обнинске, так и за его пределами, более или менее успешной профессиональной социализации сопутствовал впечатляющий спектр интересов во всех областях жизни. Они не только писали стихи и занимались художественной самодеятельностью, но и погружались в анализ экономических, социально-политических, духовно-нравственных проблем, оставляя после себя значительные по объему опубликованные и неопубликованные материалы, нередко оппозиционной направленности.

В 1970-1980-е гг. в среде обнинской интеллигенции получили распространение элитарные культурно-философские проекты, не противоречившие напрямую официальному дискурсу, однако предлагавшие альтернативные практики «работы над собой». В качестве наиболее специфических для инженерной среды можно выделить *системы практической философии*: теорию решения изобретательских задач (ТРИЗ) Г.С. Альтшуллера и методологию Г.П. Щедровицкого. Последняя получила особенно массовое распространение в 1980-е гг., когда часть городской интеллигенции оказалась втянута в проводившиеся Г.П. Щедровицким организационно-деятельностные игры. Механизмы дискурсивного и социального «захвата» инженерно-технической интеллигенции методологическим движением до сих пор не были проанализированы исследователями (как правило, помещающими Г.П. Щедровицкого в историко-философский [4, 5], педагогический [5], политтехнологический [3] или управленческий [6] контексты), что обуславливает актуальность данной работы.

Материалисты, релятивисты и атомная бомба

Как убедительно продемонстрировал Рэндал Коллинз на германских примерах, непрерывная дисциплинарная дифференциация, происходившая в университетах в XIX - начале XX веков, оказывала стимулирующее влияние на философию. Элементом этого процесса были регулярные интервенции новых наук на территорию философии - *“отчасти потому, что любой вопрос, развитый на достаточно высоком уровне абстракции, сродни философской аргументации, а отчасти потому, что философия была наиболее крупным и гибким академическим рынком труда”* [7]. В ответном движении философия предлагала новые метапозиции, стремясь овладеть концептуальной картой дисциплинарных пространств. При этом ряд успешных философских направлений был основан “мигрантами” из естественных и точных наук, которых интересовали методологические основания их дисциплин. Наиболее ярким примером стал неопозитивизм, сформировавшийся под влиянием физиков и математиков “Венского кружка”. Сам “Венский кружок” вырос из кафедры истории и теории индуктивных наук Венского университета, руководимой доктором физики Эрнстом Махом. Идеи Маха о том, что *“такие понятия, как «масса», «сила» и «атом», являются попросту удобными формами упрощения результатов наблюдений”* [7], резонировали с интенсивным развитием квантово-релятивистской парадигмы в физике в первой трети XX века, непосредственно подготовившей практическое использование атомной энергии.

Универсальный характер этой тенденции в какой-то степени проявился и в российском интеллектуальном пространстве, с поправкой на деформирующее влияние политического поля: искусственную изоляцию от западных сетей и ограничение свободной циркуляции идей начиная с 1930-х гг.; догматизацию марксизма и создание на его основе тотальной идеологии, не допускающей иных метапозиций; превращение философии в политический институт. “Диалектический материализм” как философское основание марксистско-ленинской идеологии включал в свой канон работу В. Ленина “Материализм и эмпириокритицизм” (1909), целая глава которой была посвящена критике так называемого “физического идеализма” Э. Маха и Р. Авенариуса. Её изучение входило в программы всех вузов СССР по общественным предметам. Таким образом, актуальная физическая наука в СССР не только не имела адекватного

метатеоретического обеспечения со стороны официальной философии, но и находилась в состоянии конфликта с ней, который подпитывался агрессивной риторикой физиков-механицистов.

В сталинское время подобные противоречия, как правило, разрешались через проведение репрессивных кампаний. Однако в физике релятивистам несколько раз удалось предотвратить разгром “физического идеализма”: первый раз на мартовской сессии АН СССР 1936 г., затем в 1949 г., когда не состоялось совещание физиков по борьбе с космополитизмом, аналогичное знаменитой сессии ВАСХНИЛ 1949 г., разгромившей генетику. Как отмечают исследователи В.П. Визгин и А.В. Кессених, *«чтобы устоять, физикам, обвиняемым в идеализме и заодно в космополитизме, пришлось использовать ядерное оружие»*: как раз в это время вышел на финишную прямую проект создания советской атомной бомбы, завершившийся успешными испытаниями в августе 1949 года [8, с.91]. Между физикой и догматической философией установилось своего рода равновесие: *“Физикам, вторгшимся своими теориями в философские выси, связанные с понятиями пространства, времени, причинности, реальности и т. п., дозволялось разрабатывать и преподавать эти теории, а философам и философствующим физикам - противникам теорий, казавшихся им “идеалистическими измышлениями”, - критиковать их с позиций диамата, не доводя, однако, эту критику до крайностей и оргвыводов”* [8, с.89].

Такое равновесие, впрочем, скорее напоминало холодную войну, чем взаимовыгодное сотрудничество. Оформилось противостояние физиков-релятивистов, которые заняли доминирующее положение в Академии наук, и физиков-материалистов, действовавших в союзе с ортодоксальными философами. Конфликт этих позиций вносил раскол в низовые сообщества и локальные физические коллективы, а выступление с одной из сторон могло серьезно влиять на карьерное продвижение. Так, вспоминая руководителя теоретического отдела обнинского Физико-энергетического института Д.И. Блохинцева, О.Н. Марчук пишет:

Это был умный и талантливый физик и в то же время расчетливый человек. Некоторые его действия потом оказали ему плохую услугу. Так, он умел ухватывать новые и модные направления физики. Незадолго до того времени, когда физиков стали жестоко критиковать за “идеализм в физике”, он начал свои работы по квантовой

механике “насыщать материализмом”, что вызвало порицание понимающих в этом вопросе коллег. Говорят, что они помнили это долго, и впоследствии, несмотря на полученные Блохинцевым научные результаты, он не был избран академиком [9, с.19-20]

Успешная реализация атомного проекта привела к фактической победе релятивистов, а оттепельная эмансипация открыла возможности свободного обсуждения физиками философских основ своей дисциплины. Начиная с 1954 г. регулярно проводятся совещания и конференции, посвященные методологическим проблемам, однако действительного живого взаимодействия физики и философии поначалу не происходит. Можно говорить лишь об усвоении релятивистами ритуальных формул о следовании диалектическому материализму и учению Ленина. Декларативно принимая диамат в качестве философского фундамента науки, физики продолжают существовать в ситуации методологического дефицита, лишь постепенно налаживая диалог с философами. Это побуждает некоторых из них к собственным поискам, нередко принимавшим весьма оригинальные формы.

Физики в поисках новой философии

Одна из главных площадей в наукограде Обнинске носит сегодня имя физика Игоря Бондаренко (1926-1964), который в Лаборатории “В” (ставшей впоследствии градообразующем Физико-энергетическим институтом) работал над космической ядерной программой и созданием атомных реакторов на быстрых нейтронах. В 1949 г. Бондаренко закончил физический факультет Московского государственного университета, куда перевелся в 1946 г. со второго курса физико-математического факультета Среднеазиатского университета (г. Ташкент). Ещё в юные годы попавший под влияние идей К.Э. Циолковского, помимо основной научной деятельности Бондаренко занимался философскими изысканиями. Он написал трактат “О природе (Раздумья о Человеке, Науке, Вселенной)” в 6 частях, который не был опубликован, но распространялся в виде рукописи среди коллег и друзей. Это впечатляющее по широте охваченной проблематики произведение является, по сути, попыткой сформулировать собственное видение диалектического материализма, которое бы не вступало в конфликт с познавательными практиками современной физической науки, а напротив, выстраивалось вокруг них как структурирующего ядра.

Для демонстрации структуры философского интереса Бондаренко можно привести названия разделов его труда, среди которых значатся, в частности: “Всеобщая связь явлений природы. Единство Природы”, “Познаваемость явлений Природы”, “О логических формах и законах”, “О предмете, методе и перспективах релятивистской и квантовой теорий”, “О сознании”, “О физиологическом обслуживании и совершенствовании организмов людей”, “О развитии мышления”, “Краткая картина-план прогресса коммунистического содружества людей”. Фактически, воспроизведены все основные элементы философского дискурса - онтология, гносеология, этика, философия истории. Особое внимание уделяет Бондаренко деятельно-проективной стороне познания, обозначая желаемый идеал трансформации человека и социума, в полном соответствии с 11-м тезисом Маркса о Фейербахе: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его».

Вполне вероятно, что в становлении философских интересов Бондаренко важную роль сыграли упомянутые выше дискуссии, которые затронули и физфак МГУ. *“Мировоззрение, излагаемое и развиваемое в этой работе, есть диалектический*

материализм” [10, с.6], - заявляет Бондаренко в самом начале своего текста. Значительную часть вводных построений занимает описание иерархической структуры природы, единства и взаимосвязи всех её явлений. При этом Бондаренко задается вопросами о самостоятельном (независимом от познания) существовании явлений природы, их качеств и связей между ними, приходя ко вполне релятивистскому выводу, что *“самостоятельна (существует сама по себе) лишь Природа в целом”* [10, с.16], поэтому *“чтобы познать вещи и процессы Мира, мы должны изучить их взаимодействия с другими вещами и процессами, изучить условия, в которых они существуют, должны узнать как они возникли, в каком направлении изменяются”* [10, с.19]. Фактически сформулированы базовые тезисы набирающего популярность системного подхода, который позже кристаллизуется в Советском Союзе в лице ряда ярких фигур и школ.

Несмотря на кулуарный характер философской работы Бондаренко, можно утверждать, что такие размышления были типичны для целого поколения физиков. Сам он в обнинском ФЭИ не находился в изоляции. Однокурсник по физфаку МГУ и коллега Бондаренко Э.А. Стумбур (1924-2003) стал его постоянным собеседником в обсуждении философских проблем. *“Теперь мне не с кем обсуждать коренные вопросы бытия, природы, политики, сознания, философии и физики”*, - отметил Стумбур в дневниковой записи на смерть И.И. Бондаренко [11, с.291]. В его неопубликованных *“Воспоминаниях идеалиста”* есть такие слова: *“Моё глубокое несчастье заключается в том, что я не физик. Я скорее философ. А физик-философ, как показывает история физики и история философии, всегда является белой вороной, причем и в физике, и в философии”* [11, с.294].

Ещё один выпускник физфака МГУ В.Ф. Турчин (1931-2010) с 1953 по 1964 гг. был сотрудником теоретического отдела ФЭИ, где в свободное от науки время начал разрабатывать свою систему кибернетической философии. Свои идеи он изложил в книгах *“Инерция страха”* (1968) и *“Феномен науки”* (1970), распространявшихся в самиздатовских копиях и причислявшихся правоохранительными органами к антисоветской литературе. Как и трактат Бондаренко, книги Турчина представляют собой попытку выделить философскую метапозицию, опираясь на опыт научного познания (в данном случае речь идет в большей степени о кибернетике, чем о физике).

Окончательно сформулированные уже в брежневский период, когда он стал активным участником диссидентского движения, идеи Турчина приняли остро критическую по отношению к господствующему дискурсу форму, хотя и сохраняли привычные отсылки к социалистическому идеалу. При этом от чисто рационалистической критики Турчин эволюционировал в сторону создания синтетического религиозно-философского учения. Сам он утверждает в “Инерции страха”, что *“намерен проповедовать определенную религию или определенную форму религии. И эта религия будет тесно связана с наукой, неотделима от нее”* [12]. В конечном счете, речь идет о кибернетической утопии, *“провозглашающей Высшей Целью человека неограниченную социальную интеграцию при обеспечении и развитии творческой свободы личности”* [12]. В построениях Турчина ключевую роль приобретает ценностно-окрашенный образ будущего, к которому ведет череда управляемых взаимно согласованных социальных и биологических трансформаций:

Несомненно, что в будущем станет возможным прямой обмен информацией между нервными системами отдельных людей, их физическая интеграция. Вероятно, физическая интеграция породит качественно новые, высшие формы надличностного сознания, и это будет процесс, который можно описать как слияние душ отдельных людей в единой Высшей Душе. Всечеловеческая Высшая Душа будет в принципе бессмертна, как бессмертно в принципе человечество [12].

В обнинский период вокруг Турчина сложился дружеский круг, в основном состоявший из физиков теоретического отдела ФЭИ (Н.С. Работнов (1936-2006), В.А. Павлинчук (1937-1968), С.А. Маев (1933), В.З. Нозик (1937) и др.), с которым он делился своими первыми литературными опытами. Сначала это были по преимуществу художественные произведения сатирического толка, позже пошла публицистика. Так, в одном из ранних эссе “Социальная интеграция” Турчин набросал черновой вариант перспективы развития человечества в условиях *“чрезвычайного усиления и усложнения связей между людьми, приводящего к превращению общества в единое целое”* [13, л.22]. Вспоминая о Турчине, В.З. Нозик описывает его как мыслителя большого масштаба:

Талантливый человек, являясь высоким профессионалом в физике, он легко мог стать профессионалом в любой области... Он был философом, не был, а есть. Он есть

философ, по преимуществу, по самой своей сути. Для него вопросы мировоззрения являются, являлись и будут являться самыми важными вопросами, причем научными, а не какими-то другими [14].

В 1964 г. Турчин переехал в Москву, где влился в ряды диссидентского движения, участвовал в нескольких “подписантских” кампаниях. В частности, в феврале 1968 г. он присоединился к “Письму 170-ти” с требованием пересмотра дела Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой [15, с.305]. В 1968-69 гг. Турчин занял активную позицию против травли А.И. Солженицина в “Литературной газете”, отказавшись писать для газеты отчет по поводу организованного по её инициативе эксперимента о телепатии, где Турчин был главой экспертной комиссии [16, с.93]. В 1974 г. он стал председателем советского отделения “Международной амнистии”, а в 1977 г. эмигрировал в США.

Связи Турчина с Обнинском сохранялись и после отъезда в Москву: *“Видеться мы, конечно, стали гораздо реже, но влияние В.Ф. на старую обнинскую компанию усилилось. Он стал для нас источником новостей - и устных, и на папиросной бумаге — из только начавшего формироваться круга правозащитников” [17],* - вспоминал Н. С. Работнов в одном из своих автобиографических очерков. С.А. Маев рассказал в интервью, что после того, как Турчин уже в Москве потерял работу, он “жил на помощь друзей” - обнинцы помогали ему продуктами. В Обнинске, на даче у Н.С. Работнова писал Турчин и первую версию книги “Инерция страха”.

Таким образом, обнинское научное сообщество выдвинуло из своей среды интеллектуальных лидеров, которые формулировали собственное мнение по широкому кругу мировоззренческих вопросов, конкурируя на этом поле с партийными идеологами и профессиональными философами. На их примере можно выделить главные слагаемые философствующего физика: советская программа тотального просвещения; общественная инициативность и участие в коллективной самоорганизации периода «оттепели»; опора на точные и естественные науки как гносеологический эталон; особый статус ученого, работающего над государственными задачами в атомном проекте.

Осознание собственной позиции как элитной отразилось, в частности, в фольклоре атомных физиков. Жена И.И. Бондаренко упоминает в своих мемуарах об

Обнинске такую деталь: *“Физики часто, похваляясь, пели свой “гимн” - “Дубинушку”.* Самыми главными словами там были: *“Только физики - соль, остальное всё ноль, а философ и медик - дубина”*” [18, с.93]. Любопытно, что в «классических» версиях этой песни, которая создавалась как неофициальный гимн МФТИ, чаще всего на месте философа стоит филолог [19], и в этой вариации вполне можно обнаружить следы специфически обнинской конфигурации интеллектуального поля 1950-60-х.

Методология в сетях партийного просвещения

Начиная с оттепельного времени, методология физики постепенно институционализируется и насыщается вниманием как легальная зона философского поиска. Относительно свободный характер дискуссий в физическом сообществе привлекает философов-аутсайдеров, стремившихся мыслить неортодоксально. В условиях ослабленного идеологического давления философские и методологические семинары физических (и шире - естественно-научных) институтов со временем становятся для них удобными институциональными нишами. Особенно это заметно после 1968 г., когда разрывается альянс партийных реформаторов с либеральной интеллигенцией. Одним из центров методологического поиска в физике стал, к примеру, московский ФИАН, выпустивший в 1962 году “Вспомогательное пособие для философских семинаров”. А в научных городах вроде Обнинска или Пущино, построенных вокруг нескольких институтов, включение таких семинаров в общую сеть партийного просвещения спровоцировало своего рода кумулятивный эффект в виде появления всесоюзных площадок для регулярного обмена идеями.

С момента своего образования в 1956 г. обнинский горком КПСС столкнулся с трудностями в организации пропагандистской работы среди физиков, многие из которых были озабочены философскими проблемами. В какой-то степени универсалистское мышление ученых-естественников воспринималось партийной властью как неизбежное зло, побочный продукт их основной работы. Оно требовало от пропагандистов особой тщательной подготовки. Несколько забегаю вперед, в конце 1970-х гг., можно процитировать заметку городской газеты, посвященную актуальным задачам партийной агитации в Обнинске:

Неотъемлемой составной частью научной работы является постоянный анализ накопленной информации, не ограниченный рабочим временем и рабочим местом. Часто эта привычка к критическому анализу и построению моделей выходит за рамки непосредственного предмета исследования, распространяясь на другие, в том числе, общественно-политические явления. Такое критическое отношение ученого ко всему окружающему является объективной реальностью, и его необходимо учитывать при организации идейно-воспитательной работы среди научных работников [20, с.2].

Обеспечить индоктринацию обнинской интеллигенции и более прочное усвоение ею “революционного марксистского учения” должна была городская сеть партийной и комсомольской учебы. Существовала установленная структура такой сети: в нее входили кружки по изучению марксизма-ленинизма и истории КПСС в парторганизациях, партшколы (начальная политическая школа и школа основ марксизма-ленинизма), вечерние университеты марксизма-ленинизма, теоретические, проблемные и методологические семинары и некоторые другие формы. Для физиков и инженеров, состоявших в КПСС и интересовавшихся философскими проблемами, ведение таких семинаров было удобным способом выполнения партийной нагрузки. Этим занимались, в частности, упомянутые выше физики - члены КПСС И.И. Бондаренко и Э.А. Стумбур.

Учитывая образовательный уровень обнинцев, основное внимание горком уделял работе вечернего университета. В 1957 г. он состоял из трех отделений: истории КПСС, политэкономии и философии. Слушатели рекомендовались секретарями партийных и комсомольских организаций [21, с.2]. При этом на факультете философии занимались слушатели, имевшие законченное высшее образование. По окончании обучения они становились пропагандистами в кружках философии своих парторганизаций. Также на базе факультета философии велось преподавание марксизма-ленинизма для молодых ученых, готовящихся сдать кандидатский минимум.

Развитие философского образования в Обнинске также было связано с образованием филиала Московского инженерно-физического института и открытием в 1962 г. его дневного отделения. На кафедре марксизма-ленинизма появилось несколько неординарных преподавателей, специалистов в области философии естествознания и техники. В 1963 г. заведующим кафедрой стал Б.С. Грязнов (1929-1978), только что защитивший в МГУ кандидатскую диссертацию на тему “Проблема существования в математике”. В 1967 г. он переехал в Москву, поступив заведующим сектором в Институт истории естествознания и техники, однако в 1976 г. вернулся в Обнинск, где до своей смерти проработал доцентом в филиале МИФИ. Как предполагает коллега Грязнова В.А. Канке, возвращение было связано с тем, что в Москве *“были поставлены едва ли преодолимые заслоны для его творчества”*, - в частности, он не мог опубликовать свою книгу по философии науки [22]. Грязнов руководил бюро

методологических семинаров и выступал с запоминающимися лекциями в городском университете марксизма-ленинизма. Слушавший эти лекции в 1964 году В.А. Коваленко, бывший тогда инженером ФЭИ, а затем переквалифицировавшийся в профессиональные философы, вспоминает:

Грязнов блистал на интеллектуальном небосводе. На лекции собирался весь мыслящий цвет города и с замиранием ловил каждое его слово... Мне особенно запомнились две лекции Грязнова: о Канте и философии экзистенциализма. Эти лекции я слушал в каком-то непостижимом состоянии “полета”, я запомнил их почти слово в слово [23, с.32].

Хотя сеть методологических семинаров была создана ещё во времена Хрущева, период расцвета семинарской работы в городе наступил уже после, когда в горкоме КПСС появилось Бюро методологических семинаров. Начиная с 1964 г. в Обнинске проводятся ежегодные общегородские философские конференции по вопросам естествознания, которые формально были завершающими отчетными мероприятиями в работе философских (методологических) семинаров городских НИИ [24, с.2]. Конференции по философским проблемам науки стали проводить и отдельные институты, такие как Институт медицинской радиологии, в 1966 г. посвятивший подобное мероприятие *“анализу основных направлений буржуазной философии”*. В конференциях принимали участие не только обнинцы, но и гости из других городов, в том числе сотрудники Института философии АН СССР [24, с.2].

После 1968 г., когда были разгромлены неформальные интеллектуальные группы и низовые общественные инициативы вроде Дома ученых, сеть партийного образования стала легальной нишей, аккумулировавшей различные формы интеллектуальной активности интеллигенции вне основных научных направлений. Обучение в университете марксизма-ленинизма не только давало партийные бонусы, но и *“засчитывалось”* как повышение квалификации. К концу 1970-х Обнинск стал местом проведения ежегодных всесоюзных конференций и симпозиумов по философским проблемам естествознания, на которые приглашались ведущие советские философы, в том числе, имевшие репутационные проблемы. По воспоминаниям, эти мероприятия *«славилась живыми предметными дискуссиями»* [25]. А после смерти Б.С. Грязнова стали регулярно проводиться чтения его памяти. Преподаватель филиала МИФИ и

вдова Б.С. Грязнова К.В. Малиновская свидетельствует о том, что важную роль в превращении Обнинска в площадку методологических дискуссий сыграли личные качества Т.А. Семененко, заведующей кабинетом политпросвещения горкома и завуча университета марксизма-ленинизма:

Человек очень принципиальный в своей партийной позиции, она свято верила в истинность марксизма и в возможность его творческого развития, а потому приглашала на конференции и для постоянной работы в УМЛ людей неординарных, способных обеспечить действительно высокий уровень образования городской интеллигенции. При этом брала на свою ответственность некоторые «неудобные» факты биографий приглашаемых ею людей...[25]

В течение 1960-70-х гг. партийно-комсомольское начальство пыталось стимулировать и низовую семинарскую работу, предлагая новые организационные формы. Так, в 1977 г. был создан методологический семинар молодых ученых и специалистов Физико-энергетического института, которым руководил доктор физ.-мат. наук А.И. Могильнер. На семинаре рассматривались “философские проблемы естествознания, вопросы методологии науки, проблемы научного творчества”. Одно из заседаний в 1980 г. было целиком посвящено упомянутой рукописи И. И. Бондаренко “О природе”, которая была восстановлена женой ученого. С докладом на тему “Философско-мировоззренческие проблемы в работах И. И. Бондаренко” выступил научный сотрудник инженерно-физической лаборатории ФЭИ М.М. Гайдин [26, с.3]. По словам Гайдина, несмотря на коммунистический пафос работ Бондаренко, партком не поддержал идею их официальной публикации [27]. Тем не менее, сам факт обсуждения неопубликованных философских работ физика спустя 16 лет после смерти автора на официальном мероприятии под эгидой ВЛКСМ, да ещё и с последующей публикацией информации об этом обсуждении в городской газете, может служить свидетельством наличия локальной интеллектуальной традиции, в которой официальная догматическая философия отнюдь не занимала доминирующего положения.

Междисциплинарный мигрант

В том же 1949 г., когда И. Бондаренко и Э. Стумбур выпустились с физического факультета Московского государственного университета, а страна праздновала успешное испытание атомной бомбы, третьекурсник Г.П. Щедровицкий (1929-1994) перевелся с физического на философский факультет МГУ. Вспоминая первоначальные мотивы выбора профиля обучения, будущий лидер московского методологического кружка ссылается на ажиотаж, которым была окружена физика в год после Хиросимы и Нагасаки:

...взрыв атомной бомбы над Японией перевернул мирозерцание людей того времени, всех людей от верхов до низов. И весь предшествующий год шел под знаком обсуждения в самых разных кругах значения этого события, тех последствий, которые оно оказывает на весь мир. Этот факт привлек к физике внимание всех молодых людей, считавших себя способными заниматься активной творческой работой. И поэтому всюду, куда бы я ни приходил, обсуждался этот вопрос. Позже эту ситуацию высмеивали физики в своих сборниках "Физики шутят". Кругом меня молодежь обсуждала перспективы, которые открывает физика, и все намеревались идти в "физики". Короче говоря, физика в это время привлекла внимание многих, и, естественно, начались отбор и концентрация на физическом факультете МГУ самых интеллектуально сильных людей [30].

Не менее важную роль сыграла семейная история: отец Г.П. Щедровицкого был инженером, окончил МВТУ и занимал высокие должности в организациях советской авиационной промышленности, а мать работала врачом-микробиологом. Вместе с тем, в автобиографической беседе 1980 г. Щедровицкий подчеркивал, что ещё со старших классов школы больше всего интересовался философией и всерьез рассматривал возможность поступления на философский факультет. Однако он согласился с аргументом отца, который *“говорил, что сегодня нельзя быть философом, не освоив физико-математического мышления - оно действительно самое передовое”* [30].

Испытывая трудности с восприятием лекций на слух, Щедровицкий значительную часть времени обучения посвятил самостоятельному штудированию учебной литературы. Во время такого самообразования он наткнулся, в частности, на отголоски гносеологических дискуссий, в которых сторонники релятивистской теории

познания проблематизировали процесс образования физических понятий. Уже на первом курсе Щедровицкий был активным членом курсового бюро комсомола и организовал философский кружок, отобрав *“человек восемь-девять гуманитарно ориентированных физиков”*. Будучи второкурсником, он был назначен пропагандистом в одну из групп первого курса, где рассказывал *“в связи с постановлением партии и правительства об усилении идеологической работы - о Платоне и Аристотеле, про борьбу материализма и идеализма, об агностицизме Канта”*. На семинарах по марксизму-ленинизму Щедровицкий не стеснялся откровенно высказывать собственную позицию, что однажды привело к обсуждению вопроса о его исключении из комсомола *“за незнание основ марксистско-ленинской теории”* (дело об исключении остановилось на уровне факультетского бюро).

После второго курса Щедровицкого направили специализироваться по направлению ядерной физики, несмотря на его желание стать теоретиком. Не исключено, что после окончания физфака он мог бы, подобно другим героям этой истории, оказаться в Обнинске: в своих воспоминаниях Щедровицкий свидетельствует, что имел разговор с преподававшим тогда в МГУ руководителем Лаборатории “В” Д.И. Блохинцевым, который уговаривал его заняться теоретической физикой в области ядра. В итоге, будучи зачислен на ядерное отделение, Щедровицкий стал посещать занятия и сдавать экзамены вместе с теоретиками, результатом чего стало исключение его из комсомола и решение об исключении из университета. Лишь благодаря работе в спортклубе МГУ и связям с первым проректором ему удалось добиться отмены приказа об отчислении. Более того, Щедровицкий успешно ходатайствовал о переводе на второй курс философского факультета МГУ, где стал специализироваться на философских проблемах естествознания, и с отличием закончил его в год смерти Сталина.

Таким образом, Щедровицкий, с одной стороны, имел неоконченное физическое образование и был непосредственно знаком с естественнонаучным сообществом, а с другой, получил возможность профессионально заниматься волновавшими его проблемами научного познания. В 1952-53 гг. совместно с группой молодых философов МГУ он организовал Московский логический кружок (затем трансформировавшийся в Московский методологический кружок). Как предполагают Н.И. Кузнецова и Т.И. Ойзерман, на формы работы и самоназвание этой неформальной философской

группировки повлиял опыт изучения и критики венских неопозитивистов. В частности, в рамках ММК был переведен и распространен очерк В. Крафта об истории Венского кружка, представленного как неформальное и демократичное объединение энтузиастов [29, с.104].

Важнейшим направлением работы ММК и лично Г.П. Щедровицкого в 1950-60-е гг. было создание «новой логики», в противовес существовавшим тогда направлениям - традиционной формальной логике, новой математической логике, диалектической логике. Была поставлена задача разработки «содержательно-генетической логики», которая должна создаваться в ходе эмпирического анализа мышления. Этому же была посвящена кандидатская диссертация Г.П. Щедровицкого ««Языковое мышление» и методы его исследования», которую он защитил в 1964 г. Автореферат начинается с цитаты французского физика П. Ланжевена: *«Наш мозг с трудом привыкает к новым формам мышления. Мы можем научиться пользоваться ими, только выработав новый адекватный язык. Эта задача стоит сейчас перед философами и физиками, и они обязаны разрешить ее совместными усилиями для облегчения эволюции человеческого рода»* [30].

Исследовательская программа Щедровицкого предполагала через анализ различных исторических форм мышления *«найти конечное и сравнительно небольшое число операций мышления, таких, что все существующие эмпирические процессы мышления можно будет представить как их комбинации»* [30]. Так от разработки новой логики ММК перешел к программе построения всеобъемлющей теории мышления. Как заметил сам Щедровицкий,

программа эта в своем первом варианте была сайентистской. В рамках этой программы мышление рассматривалось как деятельность, а в качестве образцовой мыслительной деятельности рассматривалась научная деятельность. Была поставлена и начала осуществляться задача построения теории мышления на основе эмпирического исследования образцов мыслительной деятельности в различных науках. Предстояло исследовать историю мышления за последние две тысячи лет [31, с.8].

Исходный пункт рассуждений Щедровицкого, да и последующее направление работы ММК демонстрируют скорее позитивистскую, чем неопозитивистскую (релятивистскую) познавательную установку, в чем-то сближая его с пражской школой

структурной лингвистики. Только в отличие от Р.О. Якобсона и Н.С. Трубецкого, признававших онтологический характер языковых категорий и занимавшихся анализом языка как функциональной системы, Щедровицкий решил добраться до элементарных составляющих человеческого мышления, которое в его понимании составляло отдельный онтологический план, отличный от плана знакового (языкового) выражения.

Претензия методологии на понимание фундаментальных законов мышления продолжала модернистский прорыв марксизма, который в его советской версии в основном прекратил развиваться, будучи искусственно законсервирован политическим вмешательством. Предлагая универсальную методологию для всех частных отраслей знания, теория Щедровицкого составила конкуренцию марксистской метатеории, во многом переняв её практический пафос. Онтологизация мышления и критическое отношение к психологии привело его к созданию антисубъектной и социоцентричной философии («люди есть случайные эпифеномены мышления»; «мышление не может описываться в психологических категориях, оно есть атрибут коллектива»), а расширение теории мышления до теории мыследеятельности позволило обосновать возможность инструментального воздействия на мышление через целенаправленную организацию человеческой деятельности, равно как и обратно - обеспечить эффективность действия через правильную организацию мышления («мысль – это свертка, внутренний план действия»).

Методологический семинар как эзотерическое сообщество

Новаторская для советской академической философии концепция Г.П. Щедровицкого появилась во многом благодаря специфической атмосфере «оттепельной» коммунарности. Московский логический кружок, возникший как неформальная группа, объединенная дружескими отношениями, был типичным примером самоорганизации интеллектуальной среды под впечатлением коллективистских инициатив Хрущева. Однако это было не просто объединение единомышленников, но своеобразный эксперимент по выработке правильной теории через практику коммуникации, в которой носителем знания является не индивид, а группа в целом. Отдельный участник коммуникации при этом играет лишь роль одного из элементов в «мегамашине» коллективного мышления:

В развитии мышления главное - это оппозиции, которые возникают между участниками коммуникации. При этом от участников коммуникации требуется своего рода "тупость": надо стоять на своих позициях, нельзя быть гибким и подвижным, важно быть принципиальным. И тогда коммуникация, или мыслекоммуникация, сама, ходом собственного развития в содержательных и коммунальных столкновениях, приводит к решению [31, с.15].

В своей зрелой фазе 1960-х гг. семинар работал в здании Института психологии Академии педагогических наук и был модным местом для московских интеллектуалов самых разных направлений и дисциплин - многие из них, однако, ограничивались разовым посещением. Специфической особенностью семинара было то, что с содержания докладов фокус аудитории переключался на анализ мыслительных средств, процедур и операций, которые использовались в выступлении. «Как правило, докладчик высказывал один тезис или даже половину своего тезиса, а многоликая аудитория с разных позиций пыталась осознать, что было сделано. На один доклад уходило от двух до восьми заседаний по три часа каждое» [29, с.107]. Установка на рефлексию породила специфические практики работы с материалом: каждый семинар записывался на плёнку, и кто-то из участников должен был заниматься её расшифровкой, попутно

ещё раз анализируя услышанное. Другой одной характерной чертой семинара было неперенное использование визуализации через рисунки и схемы на доске.

В отличие от многих других солидарностей, возникших в 1950-60-е гг., МЛК (ММК) выжил в условиях «застоя», однако форма его работы серьёзным образом трансформировалась. В 1968 г. Щедровицкий был исключен из партии за «подписанство»: как и Турчин, он присоединился к «Письму 170-ти» и был изгнан из академической философской среды. ММК продолжил работу в виде компактного домашнего семинара, изолированного от основного философского мира. В узкой группе, никак не связанной необходимостью разделять общепринятые конвенции публичной интеллектуальной жизни 1970-х гг., оттачивались радикальные методы группового поиска истины. В каком-то смысле ММК законсервировал практику оттепельного коммуитаризма, выработав на базе механизмов взаимной критики технологию «коллективной мыследеятельности».

Как замечает И. Кукулин, *«семинары Щедровицкого почти мгновенно выработали собственный сложный язык, детально проработанную риторику и стилистику публичного поведения и способы аргументации»* [3]. В результате создавался коммуникативный барьер, выполнявший стратификационную функцию: статус неофита, который не владел специфическими приемами аргументации, в таком коллективе был существенно ниже, чем положение более опытных учеников. При этом сам Щедровицкий лучше всех владел языком и мыслительным инструментарием методологии, благодаря чему единственный венчал иерархию авторитета.

В какой-то степени создание эзотерического языка и ритуала были также способом обезопасить группу от политических обвинений. И. Голомшток, коллега Щедровицкого по отделу истории и теории дизайна Всесоюзного научно-исследовательского института технической эстетики при ГКНТ СССР, где тот работал старшим научным сотрудником с 1965 по 1969 гг., в шуточной форме отразил это в своих воспоминаниях:

Щедровицкий с Генисаретским занимались тем, что они называли методологией. Часами, полемизируя друг с другом, они выводили мелом на черной доске какие-то схемы со стрелками, табло с цифровыми обозначениями, что было для меня китайской грамотой. Щедровицкий, который помимо наших заседаний чуть ли не

каждый день вел философские семинары у себя на дому, рассказывал, что к этим семинарам, как и полагается, был приставлен молодой сексот из КГБ. Парень оказался чересчур добросовестным: он мучительно старался понять, о чем же тут шла речь. Вскоре члены семинара по очереди носили ему передачи в психушку. Я такой добросовестностью не обладал, понять хитросплетения их теорий не старался, но чувствовал, что за их идеями глобального проектирования, глобального дизайна, распространенных на все общество, скрывается что-то опасное [34].

Таким образом, работа ММК в 1970-е гг. заключалась уже не только и не столько в развитии методологии как теории, сколько в создании коллектива сходным образом мыслящих людей. Именно поэтому представляется важным рассматривать кружок Щедровицкого ещё и в контексте новой советской религиозности. По верному наблюдению И. Кукулина, *«своей антисубъектностью и установкой на технологичность концепция Щедровицкого парадоксальным образом структурно напоминала мистические религиозные практики» [3].* Коммунальная философия, взятая за основу при построении собственной версии субъективности – в значительной мере антисубъектной – естественным образом сблизила «щедровитян» с рядом религиозных движений «нью-эйдж».

Вирусный рекрутинг в научно-технической среде

Г.П. Щедровицкий, как уже было сказано, имел непосредственное отношение к научно-технической интеллигенции через семью и опыт обучения на физфаке МГУ. Ориентация на точные науки сохранилась как познавательный ориентир и в деятельности Московского методологического кружка, объект которого (мышление и мыследеятельность) выстраивался подобно технической системе. Философ В. Подорога характеризует стиль Г.П. Щедровицкого как «технически-инженерный», основанный на стремлении к «членению, разрезанию и упрощению» своего объекта (мышления), с последующим выстраиванием устойчивой и функциональной конструкции [35]. Как говорил сам Г.П. Щедровицкий, *«мы наши собственные структуры мыследеятельности кладем перед собой и начинаем их разворачивать конструктивно-технически, инженерно. Мы работаем с ними как с вещами»* [36]. Такой подход оказался близок и понятен негуманитарной аудитории. Не менее важен был для неё и коллективный, диалогический способ работы семинара, в котором отдельному участнику предлагалась скромная роль винтика в машине познания. Такая система коллективного мышления необычна для философии, но вполне созвучна индустриальным проектам эпохи «большой науки», в которой получение знания происходит через организацию коллективных усилий.

Как заметил сын и ученик Г.П. Щедровицкого П.Г. Щедровицкий в одном из своих выступлений, *“Георгий Петрович всегда мечтал дорваться до ученых и делал несколько попыток”* [37]. Одной из первых стали лекции, прочитанные в 1965 г. на семинаре по логике науки и инженерии Московского инженерно-физического института. В начале 1980-х гг. состоялся ещё один заход Г.П. Щедровицкого в МИФИ, на этот раз с лекциями по системному подходу для аспирантов. Из разных поколений студентов МИФИ был рекрутирован целый ряд его близких учеников и активных методологов: О. Генисаретский, С. Наумов, С. Попов, Г. Копылов, В. Головняк, Т. Сергейцев.

Один из филиалов МИФИ находился в Обнинске, который стал ещё одним постоянным полем для «захвата» научно-технической интеллигенции методологами – благодаря близости к Москве, относительной свободе и наличию значительного контингента людей, интересующихся философией. К.В. Малиновская в своем

автобиографическом очерке определяет Обнинск как «территорию, однажды “захваченную” СМД движением»:

...начало было положено в 1974 г., когда Георгий Петрович выступил с докладом «Системное движение и перспективы развития системно-структурной методологии» на межинститутской методологической конференции молодых ученых и специалистов АМН в обнинском НИИ медицинской радиологии (по приглашению, насколько мне известно, Б. С. Грязнова, инициатору Н. И. Кузнецовой). Стараниями руководителя молодежного методологического семинара (он входил в систему партийно-комсомольской политучебь) В.А. Соколова текст доклада был отпечатан отдельной брошюрой ротационным способом в количестве 30 экземпляров – по специальному разрешению Калужского ОблЛИТО [38].

На уже упоминавшихся Методологических чтениях памяти Б.С. Грязнова Г.П. Щедровицкий несколько раз выступал с докладами. Затем с 1980 по 1990 гг. он вел занятия в обнинском университете марксизма-ленинизма: курс «Методология и философия оргуправленческой деятельности» на факультете «Управление научными коллективами»; затем с 1988 г. курс «Философия, методология, наука». Преподавал в УМЛ также С.В. Наумов, выпускник МИФИ и один из ближайших учеников Г.П. Щедровицкого. В результате в городе сложилась группа энтузиастов методологии – сотрудников научных институтов, преподавателей и студентов филиала МИФИ. В процессе взаимодействия с обнинской интеллигенцией сформировалось одно из важных в 1980-е гг. направлений работы Г.П. Щедровицкого, связанное с методологией инженерной деятельности.

В 1979 г. Щедровицкий начал проводить организационно-деятельностные игры, «которые, по его мысли, с помощью моделирующих игровых практик давали возможность решить с группой людей “со стороны” практически любые социальные задачи» [3]. В самом Обнинске во 2-й половине 1980-х гг. в было проведено несколько организационно-деятельностных игр, на которых с методологией познакомилось значительное число ученых и инженеров, не посещавших ранее лекций в УМЛ.

Проникновение Г.П. Щедровицкого в естественно-научные аудитории стало возможным, в том числе, благодаря использованию им термина «методология». Это слово уже активно использовалось для обозначения общефилософских рассуждений

ученых о методах своих дисциплин, которые были институционализированы в виде сети семинаров в научных учреждениях. Г.П. Щедровицкий неоднократно приглашался для выступлений на таких семинарах в разных научных центрах, и первоначально воспринимался многими в русле общепринятого методологического дискурса. В действительности СМД-методология имела мало общего с методологией как рефлексией внутри конкретных научных отраслей. Сам Г.П. Щедровицкий противопоставлял свое детище и науке, и философии, объявляя отдельной сферой, которая находится над всеми существующими интеллектуальными практиками и предлагает универсальные методы решения частных проблем. Из-за этого академическая среда одновременно и проявляла к нему интерес, и отторгала как нечто чужеродное. Люди, которых Г.П. Щедровицкому удавалось увлечь своими идеями, нередко «откалывались» от академического сообщества и иногда полностью порывали с ним, меняя сферу деятельности. Этот процесс зафиксировал в своем автобиографическом очерке Т. Сергейцев, в первой половине 1980-х гг. учившийся в МИФИ:

На факультете я добился права на индивидуальный формат обучения, позволивший мне отчитываться перед администрацией «по результату», что позволило выполнить учебную программу за четверть времени, а остальное посвятить играм и методологическим семинарам. В командировки я ездил с ведома деканата и научных руководителей, которые остро ощущали конкуренцию другой интеллектуальной школы, пытались обсуждать со мной «эту методологию», доказывая преимущества «интеллектуального мира Академии» [39].

В Обнинске Г.П. Щедровицкий выступал преимущественно перед аудиторией зрелых специалистов, которые в массе своей не спешили менять род занятий. Если посмотреть на биографические траектории представителей научно-технической интеллигенции, которые стали активными приверженцами СМД-методологии в Обнинске, обнаружится, что эти люди нередко занимали полумаргинальное положение в своих институциях. Многие из них не были удовлетворены своей профессиональной карьерой, имели разнообразные интересы за пределами своей профессии, часто были под подозрением как политически неблагонадежные. В процессе приобщения к учению Щедровицкого они не обязательно уходили с основного места работы, продолжая

формально исполнять свои обязанности, однако переносили центр самореализации в сферу методологии.

Заключение

Современные исследования показывают, что эпоха «застоя» сформировала свои возможности для интеллектуального и социального творчества. Внешне монолитная социально-политическая система создавала удобные лакуны, пригодные для обустройства «параллельных» форм коллективной самоорганизации. Как метафорически заключает Олег Хархордин, *«за фасадом монолитного единства таились разнообразные вкрапления и образования, спонтанно и постепенно появившиеся в недрах этой монолитной массы. Мир под названием Советский Союз – как и любая другая планета – имел прочную поверхность, которая скрывала жидкое и плавящееся ядро. Практики, с внешней, поверхностной стороны претендовавшие на эффект прочности и целостности, на глубинных уровнях породили реакции, преследовавшие цели, отличные от целей официального мира. Они также создавали внутренние полости, где существовали иные формы жизни, недопустимые на поверхности»* [40, с.363].

Именно в 1970-е возникли полуподпольные объединения сетевого типа и выросли отдельные влиятельные фигуры, которые транслировали свои идеи в кругах единомышленников. Эти явления вписывались в более широкую тенденцию, связанную с распадом коммунистического метадискурса и распространением практик «внеаходимости», разрушавших гомогенность модернистской культуры советского образца [41]. Как и все «большие идеации», коммунистический проект в последней трети XX века оказался подвержен скептическому отрицанию, теряя свою функцию несущей конструкции советского универсума. Освобождение от его семантической всеохватности инициировало процессы культурного и философского творчества на «клеточном» уровне, в которых отдельные общности стремились оформить собственную социокультурную тотальность, заимствуя принципы построения «большого» дискурса.

Материалы, собранные в «обнинском проекте», свидетельствуют, что степень автономии жизненных миров и степень их взаимной «непрозрачности» (эзотеричности) в условиях советского «города науки» оказалась усилена административными практиками закрытости и изоляции. Обратной стороной сложных конфигураций

локальной власти стало формирование лиминальных зон, в которых возникали условия для «параллельных» форм социальной самоорганизации, одной из которых стало движение системных методологов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Липовецкий, М.Н. Траектории ИТР-дискурса. Разрозненные заметки [Текст] // Неприкосновенный запас. – 2010. – № 6(74).
- 2 Хандожко, Р.И. Территория политической аномалии: Партийная жизнь в советском атомном городе 1950-60-х гг. [Текст] // ШАГИ/STEPS. – 2016. – Т. 2. – № 1. – С.167-199
- 3 Кукулин, И. Альтернативное социальное проектирование в советском обществе 1960-1970-х годов, или Почему в современной России не прижились левые политические практики [Текст] / И. Кукулин // Новое литературное обозрение. – 2007. – № 88.
- 4 Немцев, М.Ю. Философия в СССР как предмет и тема истории философии [Текст] / М.Ю. Немцев // Идеи и идеалы. – 2010. – №4 (6) – Т.2. – С.2-18
- 5 Tabatchnikova, S. Le Cercle de méthodologie de Moscou (1954-1989). Une pensée, une pratique. [Text] / Tabachniova. – Paris : École des hautes études en sciences sociales, 2007.
- 6 Rindzevičiūtė, E. The Future as an Intellectual Technology in the Soviet Union [Text] / E. Rindzevičiūtė // Cahiers du Monde russe. – 2015. – Т.56, №1. – С.111–134.
- 7 Коллинз, Р. Социология философий. [Текст] / Р. Коллинз. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.
- 8 Визгин, В.П.; Кессених А.В. Советские физики в «зоне обмена» физики и философии. 1950-1960- гг. [Текст] // Научное сообщество физиков СССР. 1950-1960-гг.: документы, воспоминания, исследования. – Вып. 2. – СПб.: РХГА, 2007.
- 9 Марчук, О.Н. Обнинская история. [Текст] / О.Н. Марчук. – М.: ЦИСН, 1998.
- 10 Бондаренко, И.И. О Природе (Раздумья о Человеке, Науке, Вселенной). [Текст] / И.И. Бондаренко. – Ч. 1.– Обнинск, 1949-1964.
- 11 Физико-энергетический институт: Летопись в судьбах. [Текст] – Обнинск: ГНЦ РФ-ФЭИ, 2006.
- 12 Турчин, В. Ф. Инерция страха. Социализм и тоталитаризм. [Текст] Опубликовано в самиздате в период 1966-1973 гг.

- 13 Турчин, В.Ф. Социальная интеграция [Текст] // Архив Сахарова. – Ф.1. – Раздел 13.2.4.
- 14 Феномен Турчина // Радио Свобода. 2001. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.svobodanews.ru/content/transcript/24203812.html> (Дата обращения: 30.09.2015).
- 15 Процесс четырех: Сборник материалов по делу Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой. [Текст] – Амстердам, 1971.
- 16 Marshall L., Brown J. Soviet Dissidents Scientists, 1966-1978: a Study. [Текст] / L. Marshall, J. Brown. – NY, 1979.
- 17 Работнов, Н.С. Давно... в шестидесятые // Индекс: Досье на цензуру. – 1997. – № 2. Цит. по: [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://index.org.ru/position/297rabot.html> (Дата обращения: 30.09.2015).
- 18 Бондаренко, Л. «Ещё душа полна воспоминаний...» [Текст] // Город. – 1994. – № 3-4.
- 19 Дубинушка // Фольклор советских студентов [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://folklor.kulichki.net/texts/dubina.html> (Дата обращения: 30.09.2015).
- 20 Лебединец, В.Н. Требования, проблемы [Текст] // Вперед. – 1972. – № 5 (1797) – 11 янв.
- 21 Сербинова, Л. В вечернем университете [Текст] // Вперед. – 1957. – № 4. – 13 ноября.
- 22 Канке, В.А. Смерть на взлете. Вспоминая Б.С. Грязнова [Текст] // Обнинск. – 2009. – №166 – 24 декабря.
- 23 Коваленко, В. Обнинский Сократ [Текст] / В. Ковальченко// Город. – 1999. – №3
- 24 Грязнов, Б. Философская конференция: «Объект научного исследования» [Текст] / Б. Грязнов // Вперед. – 1966. – № 35 (892) – 22 марта.
- 25 Малиновская, К. В. Малиновская Камилла Васильевна [Автобиография на сайте Научного фонда им. Г.П. Щедровицкого]. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fondgp.ru/gp/personalia/1970/18> (Дата обращения: 30.09.2015).

- 26 Серков, В. Разрабатывать методологические проблемы [Текст] // Вперед. – 1980. – № 93 (3133) – 31 июля 1980.
- 27 Интервью с М.М. Гайдиным [Текст] от 19.11.2012, интервьюеры З.С. Васильева и Р.И. Хандожко.
- 28 Щедровицкий, Г.П. Я всегда был идеалистом. [Текст] / Г.П. Щедровицкий. – М.: Путь, 2002.
- 29 Кузнецова Н.И., Ойзерман Т.И. Кастальский ключ Георгия Щедровицкого [Текст] // Вопросы философии. – 2009. – №2.
- 30 Щедровицкий Г.П. Я всегда был идеалистом. М.: Путь, 2002. Цит. по: [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://lib100.com/book/other/i_idealist/pdf/ (Дата обращения: 30.09.2015).
- 31 Очерки истории становления СМД-методологии. Конспекты лекций Г.П. Щедровицкого в МИСИ (1987-1988). [Текст] – М.: Наследие ММК, 2009.
- 32 Очерки истории становления СМД-методологии. [Текст]
- 33 Хроника текущих событий. [Текст] - Вып. 1-2. – 1968.
- 34 Голомшток, И. Воспоминания старого пессимиста [Текст] // Знамя. – 2011. – №3
- 35 Подорога, В.А. Проект и опыт (Г. Щедровицкий и М. Мамардашвили: сравнительный анализ стилей мышления) [Текст] // Познающее мышление и социальное действие. Наследие Г.П. Щедровицкого в контексте отечественной и мировой философской мысли. – М.: ФАС-Медиа, 2004.
- 36 Рокитянский, В. Проблема и творческий акт [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://gignomai.livejournal.com/771263.html> (Дата обращения: 30.09.2015).
- 37 Щедровицкий, П.Г. 19 лекция. 30 января 2009 // Научный фонд им. Г.П. Щедровицкого [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.fondgp.ru/lib/mmk/58/19_lekciya.doc (Дата обращения: 30.09.2015).
- 38 Малиновская К.В. Малиновская Камилла Васильевна // Научный фонд им. Г.П. Щедровицкого [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.fondgp.ru/gp/personalia/1970/18> (Дата обращения: 30.09.2015).

39 Сергейцев Т.Н. Сергейцев Тимофей Николаевич // Научный фонд им. Г.П. Щедровицкого [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.fondgp.ru/gp/personalia/1980/98> (Дата обращения: 30.09.2015).

40 Хархордин, О. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. [Текст] / О. Хархордин. – СПб.-М., 2002.

41 Yurchak A. Everything Was Forever, Until It Was No More. The Last Soviet Generation. [Text] / A. Yurchak. – Princeton: Princeton University Press, 2006.